ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
1984

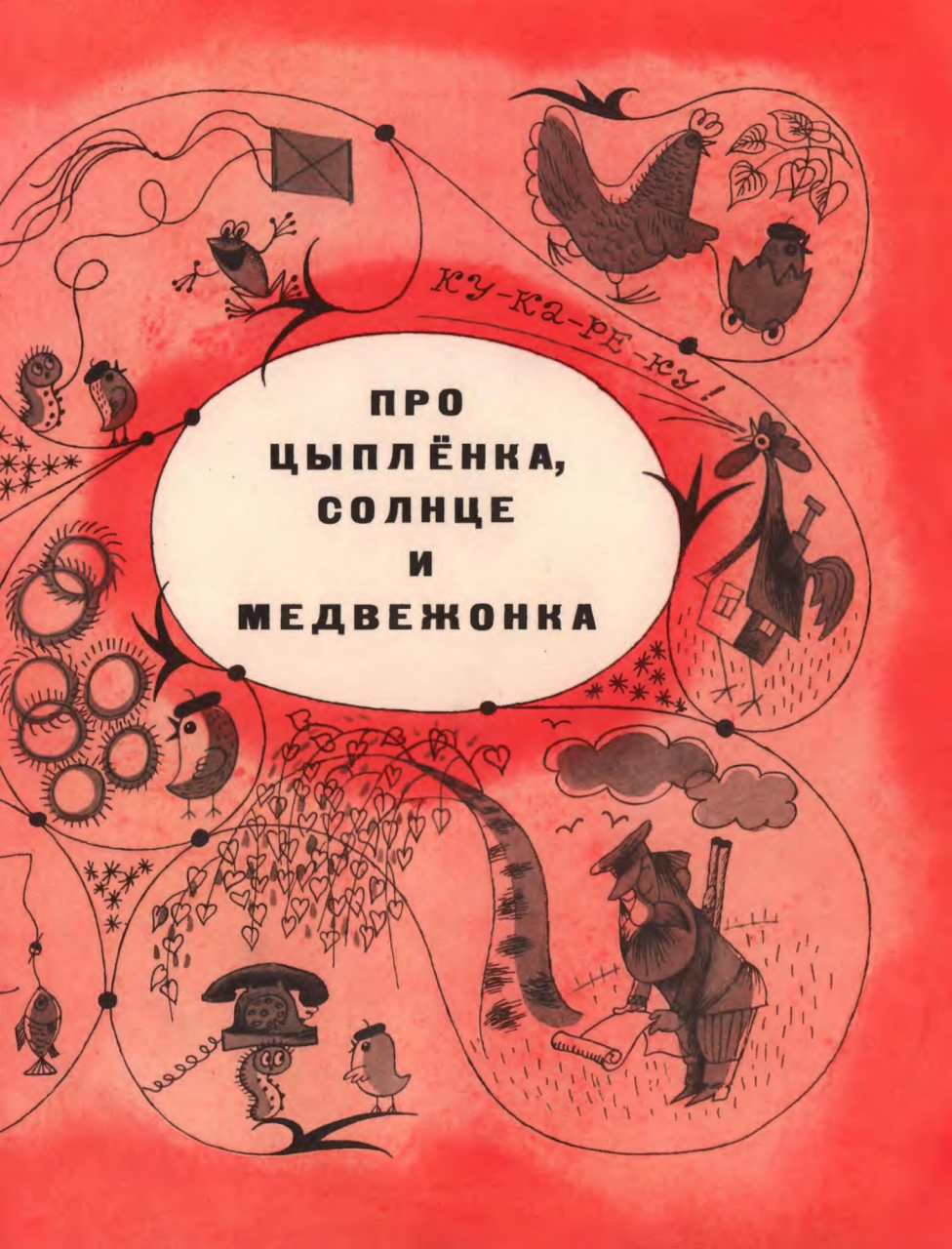
64 коп.

ГЕННАДИЙ ЦЫФЕРОВ

СКАЗКИ

РИСУНКИ
В. ЧИЖИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ"
1969


ку-ка-ре-ку!
ПРО
ЦЫПЛЁНКА,
СОЛНЦЕ
И
МЕДВЕЖОНКА

ЦЫПЛЁНОК

Про меня и про цыплёнка

Когда я был маленький, я знал очень мало и всему удивлялся, и любил сочинять. Летит, например, снег. Люди скажут — осадки. А я подумаю: наверное, где-то на синих лугах отцвели белые одуванчики. Или, может, ночью на зелёной крыше присели отдохнуть весёлые облака и свесили белые ножки. И если облако потянуть за ножку, оно вздохнёт и полетит. Далеко полетит куда-то.

К чему я тебе всё это рассказываю? А вот к чему. Вчера в нашем курятнике случилась удивительная вещь: из белого куриного яйца проклюнулся жёлтый цыплёнок. Вчера он проклюнулся, а потом весь день, всю неделю всему удивлялся. Ведь он был маленький и всё видел впервые.

Вот о том, как он был маленький и всё видел впервые, я и решил написать книжку.

Хорошо быть маленьким. А ещё лучше — всё видеть впервые.

Удивление первое

Чему удивился цыплёнок вначале? Ну, конечно, солнышку.

Он взглянул на него и сказал:

— А это что? Если это шарик, то где же ниточка? А если это цветок, то где его ножка?

— Глупый,— засмеялась мама-курица.— Это же солнышко.

— Солнышко, солнышко! — пропел цыплёнок.— Надо запомнить.

Потом он увидел ещё одно солнышко, в маленькой капельке.

— Маленькое солнышко,— шепнул он ему в жёлтое ушко,— хочешь, я отнесу тебя в наш маленький дом, в курятник? Там темно и прохладно.

Но солнышко там не захотело светить. Опять вынес цыплёнок солнышко на улицу и топнул лапой:

— Глупое солнышко! Где светло — светит, а где темно — светить не хочет. Почему?

Но никто, даже самые большие и взрослые, не могли объяснить ему это.

Удивление второе

А чему удивился цыплёнок потом? Опять солнышку.

Какое оно? Конечно, жёлтое. Таким цыплёнок увидел его впервые и решил, что таким оно будет всегда.

Но однажды озорной ветер размотал золотой клубочек. На пути, где ходило солнышко, от зелёных холмов до синей речки, протянулась разноцветная радуга.

Взглянул цыплёнок на радугу и улыбнулся: да ведь солнышко совсем не жёлтое. Оно разноцветное. Как матрёшка.

Открой жёлтую матрёшку — в ней синяя. Открой синюю — в ней зелёная. Открой зелёную — в ней голубая. А в голубой ещё красная, оранжевая...

Так и солнышко. Если раскатать, размотать его клубочек, будет семь цветных полосочек. А если каждую из этих поло-

сок смотать отдельно, будет семь цветных солнышек. Жёлтое солнышко, синее, голубое, зелёное, всякие солнышки.

А сколько дней в неделе? Тоже семь. Значит, каждый день взойдёт какое-нибудь одно солнышко. В понедельник, например,— синее, во вторник — зелёное, в среду — голубое, а в воскресенье — жёлтое. Воскресенье — весёлый день.

Как цыплёнок впервые сочинил сказку

Да очень просто: взял и сочинил. Рассказали ему как-то сказку о домике на курьих ножках. Подумал он и придумал тут же другую: сказку о домике на телячьих ножках. Потом о домике на слоновьих ножках. Потом о домике на заячьих ножках.

У домика на телячьих ножках росли рожки.

У домика на заячьих ножках росли ушки.

У домика на слоновьих ножках висела труба-хоботок.

А у домика на курьих ножках алел гребешок.

Домик на заячьих ножках запищал: «Хочу прыгать!»

Домик на телячьих ножках замычал: «Хочу бодаться!»

Домик на слоновьих ножках запыхтел: «П-ф-ф! Хочу в трубу дудеть!»

А домик на курьих ножках пропел: «Ку-ка-ре-ку! Не пора ли вам всем спать ложиться?»

Тут во всех домиках погасли огни. И все уснули.

Про друзей

Друзей у цыплёнка было мало. Всего один. Это потому, что он искал друзей по цвету. Если жёлтый — значит, друг. Если серый — нет. Если бурый — тоже нет. Шёл как-то цыплёнок по зелёной дорожке, увидел жёлтую ниточку и пошёл, и пошёл по ней. Шёл, шёл и увидел жёлтую гусеницу.

Здравствуй, жёлтая,— сказал цыплёнок,— это ты, наверное, мой жёлтый дружок?

Да,— проворчала гусеница,— наверное.

А что ты тут делаешь? — спросил цыплёнок.

Не видишь разве? Тяну жёлтый телефон.

А зачем?

— Не догадываешься? Голубой колокольчик, что живёт в лесу, и синий колокольчик, что живёт на лугу, решили сегодня позвонить друг другу.

— А зачем? — спросил цыплёнок.

— Наверное, чтобы узнать о погоде. Ведь в дождь они закрываются.

— И я тоже,— сказал цыплёнок и спрятал голову. И тем очень удивил гусеницу.

Она очень долго не могла понять, кто же это — цветок или птица?

— Наверное, цветок,— решила гусеница и подружилась с цыплёнком. Ведь гусеницы боятся птиц.

Что делали два жёлтых друга

Что делают все маленькие? Играли. Плясали. Выдували пузыри. Шлёпались в лужу.

А ещё грустили. А ещё иногда плакали.

Почему они грустили

В понедельник вот почему. В этот день они обманули своих мам. Они сказали им: «Мы пойдём на лужок». А сами пошли на речку ловить карасей.

Конечно, если бы это был мальчик, он бы покраснел. Если девочка — тоже.

Но они были жёлтый цыплёнок и жёлтая гусеница. И они весь день желтели, желтели, желтели. А к вечеру стали такие жёлтые, что на них никто без синих очков не мог смотреть. А кто смотрел без синих очков, тот вздыхал и плакал: «Как это всё печально! Как это всё печально! Они обманули своих мам! И теперь такие, такие жёлтые в такой синий вечер!»

А во вторник

Во вторник они решили запустить змей. Весь день цыплёнок скакал его, а гусеница тянула жёлтую ниточку.

Потом они привязали ниточку. Дунул ветер, и змей улетел так далеко, что его не стало видно.

Проскакала мимо лягушка. Засмеялась:

— Ниточку держите, а змея потеряли!

Пробежал мимо козлик, засмеялся:

— Держите ниточку, а где же змей?

Надоело цыплёнку и гусенице объяснять, почему змея нет. Когда у них то же самое спросил поросёнок, они сказали ему:

— Это, хрюк, вовсе не змей. Мы привязали ниточку к солнышку, а оно ушло за гору. Мы его держим за ниточку, чтобы оно совсем не ушло. А утром смотаем ниточку, и опять встанет жёлтое солнышко.

Но утром, когда они смотали ниточку, вместо солнышка почему-то приплыла туча, и весь день лил дождь, и гремел гром. И все ругали жёлтых друзей. Разве можно шутить с дождём и солнышком?

Почему они смеялись

В среду решили они играть в прятки. Утром решили, в обед считались:

— Раз-два-три-четыре-пять! Кто играет — тот бежать!

Убежал цыплёнок и спрятался под крылечко. Уползла гусеница и спряталась под листочек. Ждут, кто кого найдёт. Час ждали — никто никого не нашёл. Два ждали — никто никого не нашёл...

Наконец вечером нашли их мамы и отчитали:

— Разве это прятки? Прятки — это когда кто-нибудь от кого-нибудь прячется. Кто-то кого-то ищет. А когда все прячутся, это не прятки! Это что-то другое.

В это время загремел гром. И все спрятались.

Как цыплёнок встретил гусёнка

— Странно,— пропищал цыплёнок,— сам белый, а лапы розовые. Ты что, ботиночки розовые надел?

— Нет.

— Так что же?

— А я их в холодной воде мыл, вот они у меня и покраснели.

— А если я буду мыть лапы в холодной воде, у меня тоже покраснеют?

— Тоже не тоже, так же не так же, а попробуй.

И тут пошли жёлтая гусеница и жёлтый цыплёнок к синей холодной воде, и стала гусеница поливать из ковшика на лапки цыплёнку воду. Ждал цыплёнок, когда будут у него лапки розовыми, а лапки почему-то стали синие. Тут уже все засмеялись: «Это что такое? Жёлтый цыплёнок на синих ножках. Разве не смешно? Очень смешно!»

* * *

Я рассказал тебе, почему бывает грустно. Я рассказал тебе, почему бывает смешно. А знаешь ли ты, что иногда бывает и грустно и смешно. Так было однажды и с цыплёнком.

В воскресенье он спросил у гусеницы:

— Как стать большим?

— Надо больше кушать,— серьёзно ответила гусеница.— Мальчику надо кушать кашу, девочке — кисель. А тебе, желторотый, лучше всего есть клюкву. Съешь одну клюквинку, и вырастет у тебя красный гребешок. Съешь другую — вырастет красная бородка.

Съел цыплёнок одну клюквинку, и не вырос. Съел другую — то же самое. Заплакал цыплёнок, и от слёз у него покраснели глазки. Все смотрели на цыплёнка и не могли понять, что с ним. Если глазки покраснели оттого, что он съел красную клюквинку,— это смешно. Если оттого, что он плакал,— это уже грустно. Никто не мог ничего понять. И сам цыплёнок тоже.

Весь день он смеялся и весь день плакал.

Взрослые говорят: это смех сквозь слёзы. А я думаю, что это просто на жёлтых одуванчиках капельки росы. Вот что такое жёлтый смех сквозь первые слёзы.

Ну вот и всё.

— Как всё, разве это конец? — спросишь ты.

— Нет, не конец. Разве хорошо, когда что-то хорошее кончается? Когда я был маленький и знал очень мало, мне

всегда было грустно, если что-то хорошее быстро кончалось. Хороший день. Хороший вечер. Хорошее солнце.

И цыплёнок и гусеница тоже очень хорошие. Так зачем же мне придумывать конец?

ДНЕВНИК МЕДВЕЖОНКА

Я — медвежонок. Вчера я узнал об этом. Мне два с половиной месяца и три дня. Со мной часто происходят всякие смешные и весёлые истории. Моя мама говорит:

— Ты маленький, вырастешь большой, будут с тобой большие серьёзные истории. Потому я и решил вести дневник: потом, когда вырасту, после каждой большой серьёзной истории буду читать свои маленькие смешные истории и громко смеяться.

Вот он мой дневник.

А вот его начало

Хорошо бродить по лесу. В лесу сосны гудят: у-у-у. Кажется, будто рядом море. И всюду следы разные. Тут заяц проскакал, здесь олень прошёл, там тяжёлый мишка протопал. Однажды нашёл охотник под берёзой берестяной свёрток. Развернул его — картинки. Море, ветер свистит, птицы поют и даже что-то нацарапано. Долго он не мог понять, что нацарапано. А потом старые охотники сказали ему. Медвежий дневник это. И один очень старый охотник перевёл этот дневник с медвежьего языка на русский. Так и появился этот дневник.

Понедельник

В понедельник у нас в лесу было жарко. Все ходили и вздыхали: о, как жарко; у, как жарко; а, как жарко! Я тоже говорил: о, у, а. А ещё думал: куда спрятаться?

— Не самим прятаться, а солнышко спрятать надо,— сказал мой друг лисёнок.

Я сел на бугорок и закрыл один глаз — солнышко было. Сел на другой бугорок, закрыл оба глаза — нет солнышка, но всё равно почему-то жарко.

— Глупый,— засмеялся лисёнок,— если ты, если я, если мы все в лесу закроем глаза, нас не будет. А солнышко всё равно будет.

Ступай-ка ты лучше домой и затопи печь: пойдёт дым, закроет солнышко.

Пришёл я домой, затопил печь. Повалил дым и закутал солнышко. Но теперь в доме стало жарко. Открыл дверь — в лесу жарко.

Раньше в лесу было просто жарко. Раньше в лесу просто говорили: а, как жарко! А теперь в лесу было очень жарко, и все вздыхали: о-о-о-о, как жарко; у-у-у-у, как жарко; а-а-а-а, как жарко.

А я молчал. Мне было обидно. О-о-о-о, как обидно, у-у-у-у, как обидно, э-э-э-э, как обидно.

Вторник

Во вторник я решил узнать, где живёт, где ночует солнышко.

Под вечер укатилось оно за горку, я — за ним. Оно за вторую, я — опять за ним. А оно — за третью! Да, видно, не догнать его! Махнул я рукой, махнул ногой, головой махнул — домой вернулся. Подхожу к дому — что такое? Опять навстречу солнышко встаёт. Встаёт и улыбается: «Глупый ты, глупый, Мишка». А я и сам понял, что я глупый: разве догонишь солнышко? Нигде оно не живёт, нигде не ночует, всю жизнь катится и катится куда-то. Если хочешь догнать солнышко, надо всю жизнь катиться и катиться куда-то. Колобком, кувырком, мячиком. Конечно, и я покатился бы и кувырком, и колобком, и мячиком. Да вот боюсь.

Ещё спросит, что за косматое, лохматое солнышко такое? Даже могут сказать, что рыжий Мишка, наверное, съел жёлтое солнышко, теперь у него болит живот, вот он и валяется. Да ещё рычит... Противно слушать.

Среда

В среду я решил выдувать пузыри. Надул один пузырь — он лопнул. Надул второй — он тоже лопнул. И третий тоже — хлоп-хлоп!

Потом я взглянул на себя в зеркало и испугался: я раздулся, как пузырь. А что, если я лопну?

— Будет очень плохо,— сказала мама.

— Будет очень плохо,— сказал папа.

— Будет очень плохо,— сказал мой друг лисёнок.

Один только слон покачал головой: совсем, мол, не плохо, тогда никто в лесу не станет баловаться. Тут я громко вздохнул и сразу похудел.

— Вот и хорошо,— сказал слон.— Иди теперь кушать, малыш.

Четверг

Наступил четверг. Ты, наверное, думаешь, что был дождик? Ведь всегда так говорят: «После дождика в четверг». Но в этот четверг никакого дождика не было. Было солнышко, был ветер, была звёздочка. А ещё было вот что.

Сидел я, сидел и вдруг сказал:

— А правильно ли это: после дождичка в четверг? Ведь сегодня, в четверг, дождика нет, а есть солнышко. Значит, надо сказать: «После солнышка в четверг. После звёздочки в четверг».

Некоторым это очень не понравилось. Кто-то даже сказал:

— А не глупость ли это?

Но я думаю — нет. По-моему, даже очень хорошая пословица. После голубой звезды в четверг.

Пятница

В пятницу я пошёл на лужок собирать цветы и увидел что-то алое. Подумал, подул на него и принёс петуху:

— Петя, Петя, Петушок, золотой мой гребешок, не ты ли потерял бородку?

Взглянул Петушок и голову повесил:

— Глупый ты, медвежонок. Да ведь это не бородка, а маковый лепесток. Сейчас он живой, а вечером обязательно завянет.

И пришёл синий вечер, и пришла звезда, и завял мой лепесток, и мне стало грустно. Почему это синим вечером всё алое вянет? Вянут алые зори, вянут алые щёчки, вянут алые лепестки. И алые петушки тоже как будто вянут. Сидят в курятнике и молчат, молчат.

Суббота

А в субботу было совсем, совсем страшное дело. Я отправился на речку ловить рыбу.

Поймал одну — голубую. Поймал другую — золотую. Поймал третью — совершенно глупую. А потом из речки зачем-то вылез большой зелёный крокодил. Он раскрыл пасть и сказал хриплым голосом:

— Вот я тебя сейчас съем. Ты зачем ловишь мою рыбу?

Я сильно испугался, и мне, как всегда, захотелось громко крикнуть: «Мама!» Но от испуга я перепутал и вдруг сказал: «Ам-ама».

Здесь уж испугался крокодил и тоже перепутал. Вместо грозного «ам-ам-ам» он сказал мне «мама».

Так мы с ним и разговаривали: я ему говорил грозно «ам-ама», а он мне грустно — «мама».

Потом крокодилу стало стыдно. Он густо покраснел и уполз в синюю речку. Было ужасно смешно: такой большой, такой солидный крокодил и такой глупый. А может быть, он вовсе не большой? Ведь бывает и так: большой, большой, а сам — маленький.

Воскресенье

Что было в воскресенье? Было солнышко, и я ничего не делал. Воскресенье только для солнышка рабочий день, а для меня и для всех — выходной.

ПРО ЧУДАКА-
ЛЯГУШОНКА

Сказка первая

Однажды лягушонок сидел у реки и смотрел, как в голубой воде плавает жёлтое солнышко. А потом пришёл ветер и сказал: «Ду». И по реке и по солнышку пошли морщинки. Рассердился тут ветер и сказал ещё раз: «Ду, ду, ду». Очень сильно. Он, видимо, хотел разгладить морщинки, но их стало больше.

И тут рассердился лягушонок. Он взял прутик и сказал ветру: «А я тебя прогоню. Ты зачем морщишь воду и любимое солнышко?»

И он погнал ветер, погнал через лес, через поле, через большую жёлтую канаву. Он гнал его в горы, где пасутся козы и овцы. И весь день там лягушонок скакал за ветром и махал прутиком. Кто-то думал: он отгоняет пчёл. Кто-то думал: он пугает птиц. Но он никого и ничего не пугал.

Он был маленький. Он был чудак. Просто скакал в горах и пас ветер.

Сказка вторая

А вчера в гости к лягушонку пришла рыжая корова. Помычала, покачала умной головой и вдруг спросила: «Простите, зелёный, а что бы вы стали делать, если бы вы были рыжей коровой?»

— Не знаю, но мне почему-то не очень хочется быть рыжей коровой.

— А всё-таки?

— Я всё равно бы перекрасился из рыжего в зелёный.

— Ну, а затем?

— Затем, я отпилил бы рожки.

— А зачем?

— Чтобы не бодаться.

— Ну, а потом?

— Потом я подпилил бы ножки... Чтобы не лягаться.

— Ну, а потом, потом?..

— Потом бы я сказал: «Посмотрите, ну какая я корова? Я просто маленький зелёный лягушонок».

Сказка третья

Наверное, он всю жизнь был бы маленьким, но однажды случилось вот что.

Каждый знает, что он ищет. А что искал лягушонок, он и сам не знал. Может быть, маму; может быть, папу; а может быть, бабушку или дедушку.

На лугу он увидел большую корову.

— Корова, корова,— сказал он ей,— а ты хочешь быть моей мамой?

— Ну что ты,— замычала корова.— Я большая, а ты такой маленький!

На реке он встретил бегемота.

— Бегемот, бегемот, ты будешь моим папой?

— Ну что ты,— зачмокал бегемот.— Я большой, а ты маленький!..

Медведь не захотел стать дедушкой. И здесь лягушонок

рассердился. Он нашёл в траве маленького кузнечика и сказал ему:

— Ну вот что! Я — большой, а ты — маленький. И всё равно я буду твоим папой.

Сказка четвёртая

— А что такое бабочки? — спросил кузнечик.

— Цветы без запаха,— ответил лягушонок.— Утром они расцветают. Вечером они осыпаются. Однажды я видел на лугу: отцвела голубая бабочка. Её крылья лежали на траве — их гладил ветер. Потом пришёл я и тоже погладил. Я сказал: «Откуда эти голубые лепестки? Наверное, облетает голубое небо».

Если голубое небо облетит — оно станет розовым. Если голубое небо облетит — расцветёт солнце. А пока мы должны сидеть на лугу и гладить голубые лепестки.

Сказка пятая

— А что такое звёзды? — спросил однажды кузнечик.

Лягушонок задумался и сказал:

— Большие слоны говорят: «Звёзды — это золотые гвоздики, ими прибито небо». Но ты не верь.

Большие медведи думают: «Звёзды — это снежинки, что забыли упасть». Но и им ты тоже не верь.

Послушай меня лучше. Мне кажется, виноват большой дождь.

После большого дождя растут большие цветы. А ещё мне кажется, когда они достают головой небо, то они и засыпают там, поджав длинные ножки.

— Да,— сказал кузнечик.— Это больше похоже на правду. Звёзды — это большие цветы. Они спят в небе, поджав длинные ножки.

Сказка шестая

Каждый хочет быть больше. Вот козлик — он хочет быть бараном. Баран хочет быть быком. Бык — слоном.

А маленький лягушонок тоже хотел стать больше. Но как, как это сделать? Потянуть себя за лапку? — не получается. За ушко — тоже. А хвостика нет...

И тогда он вышел в большое поле, сел на маленький бугорок и стал ждать, когда будет заходить солнце.

А когда солнце покатилось к закату, от лягушонка начала расти тень. Вначале она была, как козлик; потом — как баран; потом — как бык; а потом — как большой-большой слон.

Тут лягушонок обрадовался и закричал:

— А я большой слон!

Только большой слон очень обиделся.

— И никакой ты не слон,— сказал он лягушонку.— Это твоя тень — большой слон. А ты, ты просто так — большой чудак на закате дня.

ДЕТСКИЙ САД

В МЕДВЕЖАЧИЙ ЧАС
У-У-У!

Когда я был маленьким, я ходил в детский сад.

Недавно я узнал: и звери тоже ходят.

Да, да. Мой знакомый ослик и его друзья, поросёнок и медвежонок, придумали, например, свой детский сад.

И у них всё, как в настоящем детском саду.

Даже расписание есть, когда они что делают.

Вот, например, утром. Утром они слонячут, а это значит хорошо и много едят.

Потом свинячут. Ну, это и без слов ясно. Просто сидят в грязной луже.

Затем они утятют — моются.

И вновь слонячут — обедают.

А после обеда медвежачут — крепко спят.

Очень хорошее расписание, не правда ли? Когда я его прочёл, мне тоже очень понравилось оно. До того понравилось, что решил я сам пожить в детском саду.

Целый год я жил там, слонячил, утятил, а иногда, если с кем-нибудь происходило что-то смешное, я записывал.

Вот почему я назвал эти сказки «В медвежачий час». Я писал их, когда все спали.

Итак: сказки в медвежачий час.

Как ослик купался

Пришёл длинноухий к речке, а вода холодная. Опустил он ножку и заворчал: бррр...

Выглянул из воды лягушонок и спросил:

— Чего вы тут кричите: бррр?!

Ослику стало стыдно, что он боится холодной воды, и он вдруг ответил:

— А я, я потому это бррр... Просто я ем брёвна. Понятно?

— Понятно,— сказал лягушонок.— Значит, вы есть тот самый страшный крокодил.

— Совершенно точно,— кивнул ослик.

— А, простите, пожалуйста,— опять спросил лягушонок,— а кроме брёвен, вы что-нибудь ещё можете есть? Я слышал, паровоз даже.

— Совершенно точно,— снова кивнул ослик.

— Ну, а почему тогда,— заквакал лягушонок,— вы такой худой?

— Просто,— ответил ослик,— опоздал сегодня съесть поезд. Я пришёл, а он ушёл. Ушёл в мою Африку греть животик.

— Понятно,— сказал лягушонок.— В Африке жарко. И если там долго греть живот, он растает, и вместо паровоза получится корыто.

— Ну и что,— сказал ослик.— Корыто ведь съесть ещё проще.

— Вот, вот,— запрыгал лягушонок,— я тоже так подумал. Почему и заговорил о паровозе. Дорогой крокодил, у меня есть корыто. В нём мама купает меня в чистом дождике. Мне это не нравится. Ведь я... люблю грязь. Так не поможете ли вы и не съедите ли это проклятое корыто на завтрак?

И тут ослик захохотал:

— Ну и хитрец! Я хотел его обмануть, а выходит, он

обманул меня. Так слушай же, грязнуля. Я не крокодил, конечно. Но если ты не будешь мыться, явится настоящий крокодил и съест тебя. Больше всяких брёвен и корыт они любят грязных лягушек. Мойся скорей! Мойся!

Где верёвочка?

Ослик любил говорить: «Всё на свете просто, просто». Это, наконец, надоело Мишке, и он сказал:

— Если всё просто, то объясни, например, почему звёзды висят на небе и не падают. Разве это просто?

— Конечно,— сказал ослик.— Они на ниточке.

— Ну, а Земля?

— Земля, она большая и толстая. Она на верёвочке.

— А интересно знать,— буркнул медведь,— где та верёвочка?

— Наверно, где-то есть. Просто посмотреть надо.

Они пошли и посмотрели. Вначале они увидели колышек. Потом верёвочку. А на верёвочке — маленького, маленького козлёнка.

— Вот,— захохотал медвежонок,— один козлик держит всю нашу Землю. Не правда ли, это очень смешно, ослик?

— Нет,— вздохнул ослик,— это совсем грустно. Ведь очень трудно такому маленькому держать такую большую землю!

Не фантазируй

Ослик и его друзья всегда просыпали. И вот однажды ослик сказал:

— Надо что-то делать.

— Да,— сказал Мишка.— Петушка завести неплохо. Он будит.

— А что такое петушок?— спросил глупый ослик.

— Ну, как тебе объяснить,— зачмокал Мишка.— Во-первых, у него гребень.

— Гребень,— недослушал ослик,— знаю, это то, чем гребут.

И он тут же побежал на луг, нашёл грабли и поставил их на затылок.

— Вот, по-моему, петушок.

— Э-э-э-э,— захохотал Мишка.— Не петушок, а телевизор.

— Телевизор? — удивился ослик.— А что это?

— Это очень сложная вещь,— сказал Мишка.

— Мишенька,— спросил ослик,— ну, а что ест эта сложная вещь?

— Лампочки, дорогой ослик, лампочки. Если у телевизора открыть живот — там одни лампочки.

— Одни лампочки. Ну и что? — Ослик улыбнулся, взял сумку и пошёл в город.

— Тридцать лампочек. На обед, на завтрак и на ужин,— сказал он продавцу.

И все тридцать лампочек исчезли в животе ослика. Ослик потолстел, а к вечеру засветился.

Да, лампочки горели у него в животе, а все думали: «Ослик это, или не ослик, или маленький троллейбус?»

Ну, конечно, вы не забыли, что на затылке у ослика торчали грабли, а цепочка огней вилась вокруг живота. И если бы вы увидели ослика, то не узнали его.

Вы бы ошиблись. Ошиблись. В тот вечер ошибались все.

Каждый становился за осликом в очередь и ждал, когда тот его повезёт.

Но ослик не мог везти столько народу. И он убежал.

Но бывают же такие люди: они всюду бегали за осликом и кричали:

— Безобразие! Этот троллейбус отказывается ехать. А кто позволил ему, он же городской транспорт!

В конце концов дело кончилось тем, что пришёл милиционер. Он взял троллейбус за ушко и повёл в милицию. Там троллейбус поставили в угол, и он простоял в нём всю ночь.

А к утру огни потухли, гребень свалился, и все увидели:

— Да это же глупый ослик!

Ослика отпустили домой и попросили больше не фантазировать. Не воображать себя ни петухом, ни телевизором.

Как видишь, всё это кончается плохо. Углом, в который тебя ставят.

Пироги

Однажды ослик, поросёнок и медвежонок пекли пироги. И вдруг ослик сказал:

— А вы знаете, недавно я читал старую книгу. Там лодки назывались так—пироги. Наверное, их тоже пекли?

— Конечно, пекли,— завизжал поросёнок.— А если они начинали течь, то дырочки затыкали изюмом.

— Хо-хо!— захохотал медвежонок. — А это очень вкусно, давайте испечём такую пирогу и немного поплаваем в ней.

— Ура!— закричали ослик и поросёнок и принялись за дело.

Удивительная получилась пирога. Вкусная и большая-большая. Даже слон смог бы в ней плавать. А ослик, поросёнок и медвежонок уселись совсем свободно. И поплыли.

День плыли, два.

Кушать захотели. Съели шоколадный парус.

День плыли, два.

Кушать захотели. Съели пряничные вёсла.

День плыли, два.

Кушать захотели. Стали выковыривать изюм.

И тут пирога пошла ко дну.

— По-моему, тонем,— захрюкал поросёнок.

— Да, да,— ответил ослик,— уже давно.

— Что же делать?! — закричал Мишка.

— Пл-о-отик. Во-окрушениях всегда-а,— заплакал ослик,— делают пло-о-о-тик.

— А,— заворчал медведь,— знаю. Плотиком будет тот, кто плотнее всех поужинал. Толстяки не тонут.

Медвежонок стукнул каждого по животу и сказал:

— Поросёнок будет плотиком.

Ослик и медвежонок сели поросёнку на спину и поплыли.

Они плыли так до самого берега. И только рыбам было жаль поросёнка. Они вздыхали и говорили:

— У этого плотика очень грустный мотор. Он без конца хрипит и хрюкает.

Половичок

Ты знаешь, как умел ослик шутить. Собственно говоря, это было единственное, что его выручало.

Вот, например, однажды был такой случай.

Пошёл ослик на луг ловить бабочек. Ходил, ходил — никого. И вдруг под кустами — что-то большое, пятнистое.

«О,— подумал ослик,— вот это бабочка!»

И хлопнул ослик её сачком. А бабочка как зарычит:

— Какое безобразие! Кто посмел это сделать!

— Я,— сказал ослик.— И совсем это не безобразие. Вот ты ведёшь себя безобразно, бабочка, раз так рычишь. Бабочки не должны рычать.

— Да я не бабочка,— опять зарычало под кустом,— я тигр.

— Тигр,— испугался было ослик.— Надо спасаться!— И тут же сообразил: — Нет, ты не тигр,— сказал он.— Какой же ты тигр, если у тебя на голове колпак? Ты просто шут.

— Какой шут? — удивился тигр.

— Гороховый,— сказал ослик.— И тебе надо есть горох.

— А это вкусно? — спросил тигр.

— Вкусней всего-всего на свете,— ответил ослик.

— А дай попробовать,— попросил тигр.

— Ладно,— сказал ослик.— Только вначале ты сделаешь то, о чём я попрошу. Итак, значит, я тебя два раза стукну, а ты промолчишь.

— Хорошо,— кивнул тигр,— потерплю немножко, ради твоего гороха.

А ослик скорей побежал домой и сказал:

— А вы знаете, поросёнок и медвежонок, я купил прекрасный половичок. Такой полосатенький... Взгляните.

И показал на тигра.

Взглянули друзья и заплакали:

— Зачем ты привёл его, он нас съест?!

— Трусишки,— закричал ослик.— До чего дожили, половиков даже стали бояться. А ну, смотрите, сейчас я буду из него выбивать пыль.

И ослик взмахнул палкой и изо всей силы стукнул тигра по носу.

— Ой,— закричал тигр.— Не надо мне гороху. Не надо!

И он зажал нос лапой и убежал в лес.

Ну, а ослик? Ты думаешь, он радовался? Нет, он был настоящий шутник. Поэтому он и сказал с грустью:

— Ну вот видите, какие вы плохие. Всё вам не нравится. Из-за вас убежал такой прекрасный половичок. Никогда я его больше не увижу.

И тут ослик заплакал, а медвежонок и поросёнок стали его утешать:

— Прости нас, мы совсем глупые.

Самолётик

Ослик ходил и с самого утра кричал: «Уу-уу»...

— Что ты делаешь? — спросил его медвежонок.

— Моторчик,— сказал ослик.

— А зачем?

— Понимаешь,— объяснил ослик.— Я сделал деревянный самолёт, а он не летает. Нет моторчика. Вот теперь если я в него сяду и закричу, как моторчик «уу», то он полетит, наверное.

— Конечно, полетит! — закричал глупый медвежонок.

Ему очень хотелось летать.

И они тут же сели на самолётик.

— Уу-уу-уу,— загудел ослик.

Но самолёт ни с места.

— Это ты почему не летишь? — спросил ослик у самолёта.— Разве ты не слышишь, как гудит твой моторчик?

— Слышу,— ответил самолётик.

— Тогда в чём же дело? — топнул ослик ногой.

— А мне кажется,— сказал самолётик,— что у меня не тот моторчик. Настоящие моторы надо заводить.

— Ах так! — рассердился ослик.— Я настоящий моторчик.— И он махнул хвостиком и крикнул медвежонку: — Заводи!

Медвежонок схватился за хвост и дёрнул.

И ослик уже был готов крикнуть «у-уу!»

Но медвежонок очень сильно дёрнул. И потому вместо «уу» ослик вдруг крикнул «ай, ай, ай!». И совсем испугался.

И не полетел. Ведь моторчики не могут летать, когда вместо «уу» говорят вдруг «ай».

Спор

Ослик и медвежонок всегда спорили. Это потому, что один говорил: «Всё приходит». А другой: «Всё уходит».

Просыпался утром медведь и радовался:

— Смотри, пришло утро.

— Ну да,— плакал ослик.— Ведь ушла ночь.

И днём было так же. Опять медведь кричал:

— День явился.

И снова плакал ослик:

— Ну да, ведь ушло утро.

А однажды было вот что. К ним в гости пришёл слон.

— Смотри, смотри! — заорал Мишка.— К нам пришёл слон.

— Ну да,— заплакал ослик.— Ведь он ушёл из дома.

Град

Когда был град, ослик всегда прятался. Больно было. В тот град он тоже спрятался, но вдруг подумал: «Да, я сижу в домике и мне не больно, но домику-то ведь больно. Надо его спрятать».

Ослик залез на крышу и закрыл домик зонтиком.

— Всё хорошо,— сказал он.

Но вдруг опять подумал: «Теперь мне не больно, но зонтику, наверное, больно. Как же быть?»

— Глупый ослик,— заворчал медвежонок.— Всех от града никогда не спрячешь. Кому-нибудь да будет больно.

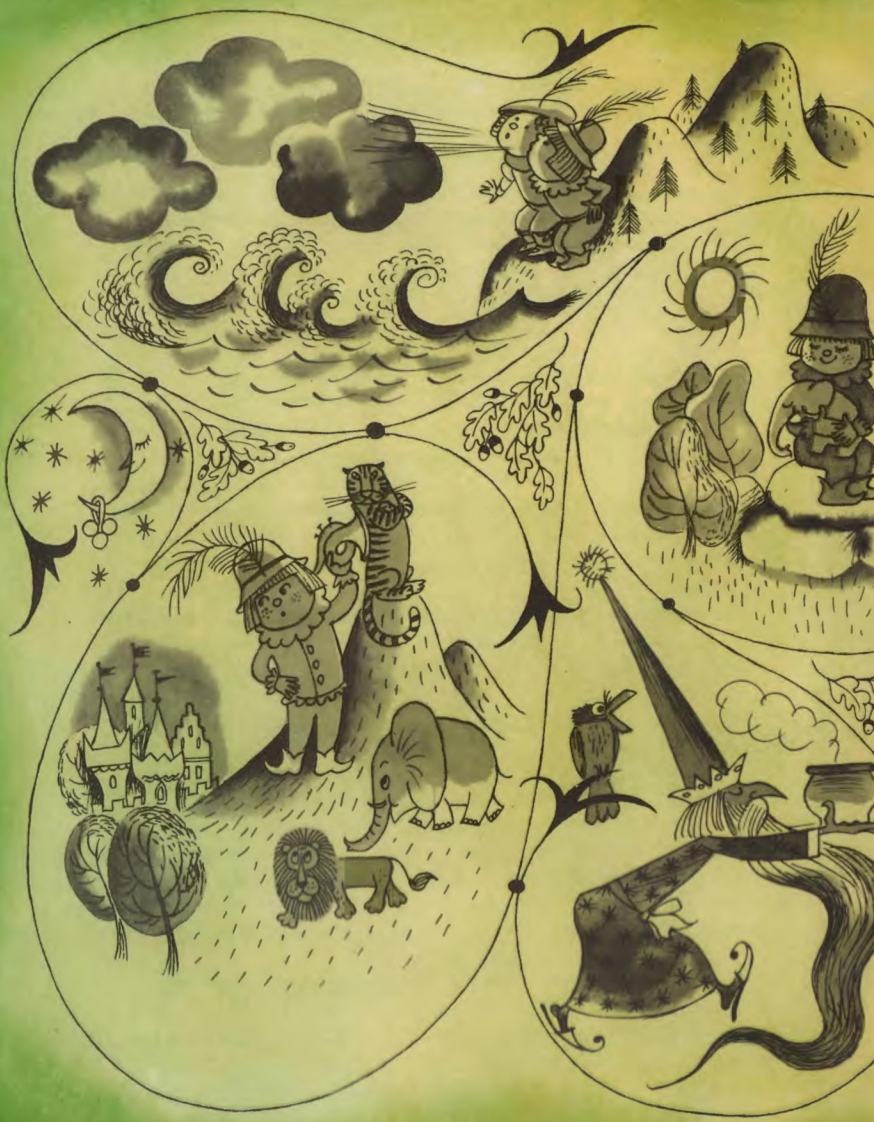
— Если так,— сказал ослик, пусть будет больно мне.— И он сделал над зонтиком крышу и стал по ней бегать — защищать её от града.

Наконец град кончился.

Медвежонок пожал ослику ушко и сказал:

— Ты очень добрый...

— Что ты, что ты,— замахал на него ослик ушами.— Просто я жалкий ослик, и мне всех жалко.



МАЛЕНЬКИЙ ВЕЛИКАНЧИК

Был красивый город на свете.

И в нём жили люди.

И, как все люди, они не замечали обычно красоты своего города.

Но однажды сюда пришёл великий человек. Он сказал: «Удивительно. Эти точёные здания я мог бы унести на ладони. Они лёгкие, как музыка».

И ещё человек что-то сказал, но сейчас никто не помнит этого.

А я думаю, он, наверное, рассказал сказку.

Вот такую.

«Жила на свете семья великанов.

Папа, мама и маленький великанчик.

Как все маленькие, великанчик любил играть. Но игрушки для него нужны были большие, великанские.

И потому папа со всего мира, со всей земли приносил ему на ладони:

Красивые дома с острыми крышами.

Красивые замки с круглыми башнями.
Храмы с весёлыми колоколами.
И весь день великанчик играл, играл с ними.
А потом он вырос.
И красивые замки и дома стали ему не нужны.
Он ушёл и забыл про них, но прекрасный город остался.
Теперь там уже живут люди. И как все обычные люди, они не замечают красоты своего города.
Но когда приходит и приезжает кто-то чужой, он всегда говорит:
— Какой игрушечный город. Его можно унести на ладони: он лёгкий, как музыка».
Вам уже нравится этот город, и вы просите рассказать дальше.
Ну что же. Я расскажу всю его историю.
А вернее, историю того, кто в нём жил.
Историю маленького великанчика.
Что он любил.
О чём думал.
И как стал большим.

История первая

Я даже не знаю, какую историю рассказывать первой.
Самую страшную, самую грустную, самую весёлую?
Ну, думаю, лучше всего сначала самую, самую простую.
Итак, история самая простая.
Однажды маленькому великанчику другой маленький великанчик сказал:
— Пойдём к голубому морю пить солёную воду.
— Солёную воду,— улыбнулся великанчик.— Наверное, это очень смешно?
И они пошли туда, где очень смешно.
Мой маленький великанчик хотел пить сразу. Но другой маленький великанчик сказал:
— Постой, постой. Разве ты не видишь на воде пенку. Надо её сначала сдуть.
Мой великанчик не знал, что такое пенка. Он просто нагнулся и стал дуть.

Дул, дул. Надоело.

— Смотри,— сказал он другому великанчику и показал на небо.— Там тоже пенка, надо её сдуть.

Теперь они оба подняли носы кверху и задули. Задули в четыре щеки. Так они дули весь день, и облака плыли туда, куда они дули.

На запад.

На юг.

На север.

На восток.

Конечно, они устали. Но зато вечером... Вечером всем и каждому стало ясно, почему ветер и почему плывут облака. Это потому, что какие-то великанчики дуют где-то. Дуют и дуют в четыре щеки.

История вторая

Какую историю рассказывать второй, я тоже не знаю, самую страшную, самую грустную?

Итак, самая...

Ого-го-го. А ты знаешь, каким огромным был маленький великанчик. Выше любой горы. Да, да. Но завидовать ему не надо. Ведь он был маленький, а все маленькие любят играть с животными: с телёнком, с котёнком, с щенком.

Огромный малыш тоже, конечно, хотел играть, но как? Как? Все телята, все котята, все щенята казались ему просто муравьями.

И потому он скучал, и скучал долгое-долгое время. И вдруг он встретил слона.

— Вот,— сказал великанчик,— этот малыш мне нравится.

Тут он взял слона на ручки и стал качать:

— Бай-бай, мой маленький, баю-бай, мой маленький.

А мудрый слон улыбнулся. Улыбнулся и сказал:

— Как всё-таки это хорошо — качаться на ручках!

Все знают, что слоны — большие и мудрые. Но ведь и мудрому и большому тоже надо когда-то отдохнуть на ручках. Поэтому слон и сказал:

— Спасибо тебе, великанчик. Я, наконец, отдохнул.

И с той поры все большие и мудрые слоны ходили к великанчику отдыхать на его детских ручках.

История третья

Третья история тоже тревожит меня. Смешная или грустная она — я не знаю. Видимо, очень простая.

Все маленькие мечтают быть кем-то. Маленький великанчик тоже мечтал. Вначале он мечтал быть пожарником, гасить над морем большой закат.

Потом он мечтал стать фокусником. Прятать в ушах дома, дворцы.

И наконец он захотел стать доктором.

Это проще. Нужен только белый халат и трубочка.

Папа принёс ему самую большую трубу из оркестра.

Великанчик взял её, посмотрел и стал слушать сердце.

— А ну, малыш,— сказал он первому льву,— дай-ка я вас прослушаю. Прекрасно. Такая великолепная музыка!

И так говорил каждому:

— Ах, музыка вашего сердца!

А зверям это очень нравилось. Их сердца так хвалят. И потому все они шли к врачу великанчику и просили:

— Скажи что-нибудь о нашем сердце, добрый доктор.

И доктор слушал и говорил, говорил.

Но однажды он приложил трубку к груди тигра и сказал:

— А вы знаете, малыш, ваше сердце молчит. Наверное, оно умерло.

— Сам ты умер! — завопил тигр.— Я живой. Бегаю, прыгаю, рычу.

Тигр рассердился и ушёл, и больше никто, никто уже не ходил к великанчику. И сегодня, наверное, было бы то же, но пришёл мудрый слон. Слон пришёл к великанчику и сказал:

— Умерло не сердце. Умерла твоя труба, она устала и ничего уже не слышит.

— Умерла,— сказал великанчик.

— Да,— кивнул слон.

И они подняли трубу. Накрыли и понесли. И больше не играла музыка. И слышно было, как в небе плыли облака.

История четвёртая

Ну, конечно, после такой сказки я знаю, что рассказать — весёлое.

Ха-ха. Хо-хо. Хи-хи. Хе-хе.

Да-да. О том самом, о том, как великанчик смеялся.

Ха-ха. Хо-хо. Хи-хи. Хе-хе.

И громкий же был тот смех! От него шпили слетали с башен. Трубы валились на землю, и крыши домов прыгали, как будто их без конца щипали.

Ха-ха. Хо-хо. Хи-хи. Хе-хе.

Конечно, всё это могло бы кончиться зем-ле-тря-се-ни-ем, но тут папа великанчика задумался.

Нельзя малышу запретить смеяться. Нельзя. Заплачет. Но что же тогда делать?

Подумал ещё папа и прикатил огромную-преогромную бочку. Теперь, если малыш хотел смеяться, он лез туда. Катался по земле и хохотал, грохотал, сколько хотел.

Та великанская бочка и доныне жива в игрушечном городе: теперь из неё пьют квас.

И это самый весёлый квас на свете. Стоит взрослому выпить его, как он начинает смеяться. А люди говорят: смотрите, как человек радостно хохочет. Ну точно глупый маленький великанчик.

История пятая

А теперь что рассказать. Вот, право, и не знаю. Разве что посмеяться дальше.

Ну, что же. Ха-ха, хо-хо, хи-хи, хе-хе. Итак, слушай.

Как-то у великанчика заболели зубы. Лечил он их, лечил — ничего не помогает. Ни грелка, ни зубные капли, ни соль, ни горчица.

И хотя очень не хотел этого великанчик, но пришлось ему всё-таки идти к врачу.

— А-а,— сказал врач,— рот раскройте. Так, у вас в зубе дырочка.

— Дырочка,— удивился великанчик.— Ну и что? Почему

же она болит? Ведь в вашей печке тоже есть дырочка. Но она никогда не жалуется.

— А-а,— сказал врач,— но в вашей дырочке что-то есть.

И врач-великан взял щипцы. И вытащил, да вытащил оттуда... бегемота!

— Ох,— вздохнул великанчик-малыш,— как же ты сюда попал?

— Ох,— вздохнул бегемот,— простите, нечаянно. Ночью я заблудился, вижу — пещера. И вот...

Великанчик расхохотался.

— Значит, я просто спал с открытым ртом.

— Да, да,— кивнул бегемот,— вы же маленький.

И тогда, чтобы подобного больше не было, великанчик решился. Он выдернул зуб и подарил его бегемоту.

— Вот тебе домик,— сказал он.

Ну, а с открытым ртом поступили так. Каждую ночь родители вешали на него объявление: «Сюда вход строго воспрещён».

И все звери были уже осторожны.

— Это не пещера,— говорили они.— Здесь спит маленький глупый великанчик.

История шестая

Ну, а теперь что рассказать? Или опять посмеяться?

Помнишь сказку о том, как один горшок варил кашу. Каша заполнила дом и выползла на дорогу. Такие волшебные горшки были в старину на самом деле.

Зачем? Для чего? А вот...

Например, однажды мой великанчик воевал с другим великанчиком и долго не мог взять его город.

Вот тогда он и призвал волшебника.

— Мы, великанское величество,— сказал он,— сегодня не можем взять город. Сделай немедленно волшебный горшок.

Волшебник поклонился и тут же вылепил волшебную посуду.

А наутро во вражеский город отправились послы: папа с мамой.

— Наш сын дарит вам свою кашу.

Конечно, это вызвало великую радость у другого великанчика, и другой великанчик надел слюнявчик и сел за стол.

И, конечно, каша из горшка скоро выползла наружу и заполнила весь стол, весь дворец, весь город. Она даже залезла на самую высокую башню.

И тогда над городом взвился манный флаг.

— Ура, ура! — закричал великанчик.— Победа! Да здравствует горшок с манной кашей!

И тут волшебный горшок прекращал варить. А великанчики садились обедать.

Вот какие трудные войны, малыш, были когда-то.

Чтобы стать настоящим воином, надо было съесть целый город манной каши.

История седьмая

Какая она? Опять не знаю.

Трах-тарарах. Слышите? Какой гром, правда? А это и не гром — просто маленький великанчик играет в свою погремушку.

Трах-тарарах. Всё своё маленькое детство он играл в неё. А потом, когда стал больше, решил детство забыть и забросил ту погремушку куда-то на луну.

Теперь великанская погремушка молчит, но иногда вспоминает о великанчике, и тогда: «Трах-тарарах!» Страшный гром потрясает небо.

Ты боишься его? Не бойся. Не надо. Гром не страшная, а просто грустная вещь. Ведь это тоскует чья-то большая погремушка. А взять её некому. Все великаны выросли, а нам её не достать.

А это, конечно, история предпоследняя

История о кораблях.

Маленький великанчик делал бумажные корабли: белые шхуны, чёрные фрегаты, голубые бригантины.

Каждое утро он осторожно опускал их на море и, подув в парус, махал рукой. И бумажные кораблики плыли. Плыли через море, через океан.

И где-то в море их обычно встречали люди, потерпевшие кораблекрушение.

— О,— говорили они,— смотрите! Никак корабль, и совсем пустой.

И тут люди садились на бумажный кораблик и возвращались домой.

Ну а дома, дома они всю жизнь потом только и рассказывали об этом чуде.

И в самом деле, для моряков и поныне нет большего чуда, как переплыть океан в большом бумажном кораблике.

Но с той поры, как великанчик стал большим, это уже никому не удавалось.

История последняя

Много я рассказываю о великанчике. И ты, наверное, устал. Ведь ты маленький. А я говорю тебе о таких больших вещах. Ну что же, я кончаю. Кончаю тем, с чего начал. Игрушечным городом.

А ты знаешь, что ещё есть в нашем городе, кроме красивых домов и зданий?.. Нет? Тогда слушай.

Когда-то маленький великанчик очень любил делать вертушки. Эти вертушки стояли на каждом холме.

А потом, когда на холмы пришли люди, они сказали:

— Да это же замечательные вещи — ветряные мельницы. Они будут нам молоть зерно, качать воду.

И долгие годы вертушки великанчика мололи зерно, качали воду.

А потом люди сделали другие мельницы: паровые, электрические.

Ветряные мельницы хотели уже убрать. Но самые умные подумали и оставили. Конечно, теперь это уже не мельницы, а опять просто игрушки. Вертушки.

И до сих пор вертушки великана машут в нашем городе.

А когда дети спрашивают взрослых: зачем они? что делают? Взрослые, улыбаясь, говорят:

— Отгоняют дурные сны от города.

Малыш, если ты хочешь хорошо выспаться, приходи в город великанчика.

СКАЗКИ
СТАРИННОГО
ГОРОДА

Однажды ко мне пришло странное письмо.

«Сударь мой,— было написано в письме,— я жду вас. Вы вчера оставили у нас шляпу со страусовыми перьями».

Я очень удивился. Да у меня и нет такой шляпы!

Значит, надо мной шутят. Но кто же?

Я пошёл на почту. Но там ответили:

— Нет, письмо настоящее. Оно только опоздало на... на 300 лет.

Значит, его должен был получить мой пра-пра-пра-прадедушка.

И тут я отправился по обратному адресу. И что же? Я и правда нашёл там страусовую шляпу, а главное, услышал много старинных историй.

Хозяин дома хранил их вместе со шляпой.

И они долго, долго ждали меня.

А теперь я расскажу их всем, и конечно, история первая будет про шляпу.

Да, кстати, все эти сказки написаны страусовым пером.

Да здравствует — кто? Да здравствует — что? Просто старинная шляпа.

Вы спросите, почему?

А в старину уж так говорили. Не важен камзол, не важны сапоги, но шляпа, это, конечно, — главное. И она всегда должна напоминать клумбу!

Ведь недаром старинным людям было приятно носить на макушке сад. И каждый хвалился:

— А мой сад, сударь, лучше. Он из страусовых перьев.

Впрочем, кроме шутки, и польза в том была немалая. В старину ведь не было дворников. И улицы подметали так: кланялись — и шляпные перья сдували пыль. И лишь один человек в шляпе не кланялся — король. Да. А шляпа у короля закрывала весь город. Как зонт. И когда долго, долго шёл дождь, придворные всегда просили:

— Не пора ли вам погулять, ваше величество.

И в длинный солнечный день было то же.

Короля просили гулять, и тем он спасал своих подданных от жары. А ещё он их спасал от скуки. Потому что на полях королевской шляпы играл оркестр, и казалось, что с неба льётся музыка. И в городе все танцевали, все веселились.

Но теперь, ты, конечно, скажешь, как же король мог носить такую великолепную тяжесть? Очень просто. Её поддерживал целый полк лихих гвардейцев. Мушкетами.

И все дни рождения в нашем городе, и все праздники справлялись только на голубых полях королевской шляпы. Вот какие шляпы были в старину!

Кому в детстве не хочется быть сказочным принцем?

Но если не принцем, то в крайнем случае... дрессировщиком в цирке.

Да. Да. Ведь в наше время это почти одно и то же. Только у дрессировщиков ещё остались зеркальные сапоги и

красный королевский плащ, который волочится по полу, точно городской закат над детским парком. Об этом плаще, о тех знаменитых сапогах когда-то мечтали все мальчишки нашего города. А больше всех один. Каждую ночь он видел одно и то же—огни цирка.

А днём, днём он только и говорил:

— Цирк, цирк!

Но родители лишь смеялись над малышом.

— Дрессировщик! Ты не можешь им быть. Дрессировщик должен быть строгим, а ты слишком добр.

Да, конечно, он был добрым мальчиком, и однажды он попытался приручить птичку. Птичка прожила у него до осени, а осенью сказала:

— Спасибо, мальчик, но мне пора лететь.

И маленький дрессировщик отпустил её.

Ну и шутили же над ним после:

— Тоже мне укротитель! Не ты, а тебя приручают звери. Грустный ты очень дрессировщик.

И так с той поры его так и звали: очень грустный дрессировщик.

А очень грустный дрессировщик скучал.

«Неужели,— думал он,— мне так никогда и не увидеть арены, никогда не надеть зеркальных сапог?»

Никогда — какое трудное слово. И как трудно произносить его в детстве. Но едва мальчик его произнёс, как к нему в окошко кто-то стукнул.

— Здравствуйте, это я — ваша дрессированная птичка. Я вернулась к вам, чтобы помочь. Вот зёрнышко, посадите его, и ваши мечты...

— Неужели,— не поверил мальчик,— мои мечты исполнятся?

— Да.

И он посадил зёрнышко.

Росло птичье зёрнышко, росло и выросло. И стало самым высоким, самым толстым деревом в городе. Толпами приходили люди, чтобы посмотреть на удивительное толстое дерево.

А как-то раз в сад пришёл учёный. Он сказал:

— Вы молодец, мальчик, вырастили настоящий африканский баобаб. Поздравляю, вы удивительный садовник.

Удивительный садовник, только и всего.

Мальчик даже обиделся.

А красный плащ, а зеркальные сапоги? Неужто птичка меня обманула, и я никогда...

Но только он хотел вновь произнести это трудное слово, как в калитку сада стукнули:

— Можно?

Косматый африканский лев стоял перед мальчиком.

— Здравствуйте,— смущаясь, сказал он.— Я слышал, вы вырастили баобаб. Баобаб — дерево моей родины. Мне очень приятно посидеть под ним и вспомнить родственников. Разрешите?

— Разрешите?

— Разрешите?

— Разрешите?

В тот день весь цирк, весь зоопарк побывал у мальчика. И каждый зверь сидел под деревом и вспоминал своих родственников...

И, конечно, на другой день мальчик уже выступал в цирке.

А вскоре он прославился и стал одним из самых знаменитых цирковых артистов. Да, да.

А от прежнего осталось лишь одно: его по-старому и люди и звери продолжали звать очень грустным дрессировщиком. И всё потому, что если кто-то его в цирке не слушался, он никогда не ругался, а лишь грустно говорил:

— Ну, что ж, я не покажу тебе сегодня твой баобаб.

И тут все звери плакали и просили у него прощения.

А ведь это, и правда, очень грустно, не видеть свой баобаб.

Бао-бао-бао-баб.

* * *

Хорошо или плохо, если король обжора? Ты скажешь: «Конечно, плохо».

Вообще и я тоже так думаю, но иногда...

В одном старинном городе, где королём был обжора, существовала когда-то такая страшная вещь — дуэль.

Дуэль, это значит, люди колют друг друга шпагами.

— Нельзя! — закричишь ты.— Человек не жареная утка!

Правильно. И этот король тоже кричал: «Нельзя, нельзя, нельзя!»

Но это мало помогало. И тогда он просто раскрыл рот. И просто проглотил все шпаги.

Как ты понял, в этом случае помог не королевский ум, а королевское обжорство. Но вот что удивительно.

После этого обжорства дуэли стали прекрасны.

Лишённые шпаг дуэлянты стали просто дуть друг на друга. И дули до тех пор, пока один не улетал куда-то.

Ну, а это, я думаю, самый лучший способ путешествия.

Итак, да здравствует королевское обжорство!

В некоторых случаях это помогает. А именно тогда, когда хочешь не драться, конечно, а путешествовать.

Испокон века живут на земле сапожники. В моём старинном городе тоже был один, только не простой, а потомственный. Это значит, что и дед, и прадед, и прапрадед его,— все они шили башмаки и туфли.

Туфли... Целый ряд их, старинных, с бантами и вензелями, стоял у того сапожника за стеклом. Любопытные зеваки нередко заходили сюда, чтобы взглянуть и... ахнуть:

— Ах, какие туфельки, ах, какие...

Но мастер только ворчал:

— Неужели вам и сказать больше нечего?

— Нечего,— смущались люди.— Мы всё давно забыли.

И тогда мой лукавый сапожник брал туфельки и ласково говорил:

— Бальные туфельки, они подобны раковинам. Всегда поют. Вот туфелька из Варшавы. Вы слышите? Старая музыка. Это мазурка. Ну, а эта туфелька — она из Вены. Вы слышите? Менуэт.

Мазурка, менуэт, вальс — каждая старинная туфелька пела, и у каждой был свой голос.

И лишь одна молчала. Без вензелей и бантов, молча пряталась она в углу.

— Наверное,— говорили не раз посетители,— то туфелька самой бедной женщины.

Но мастер только ласково ворчал:

— Неужели вам и сказать больше нечего?

— Нечего,— вновь смущались люди.

А сапожник вновь ласково говорил:

— В старинное время жила в нашем городе одна старинная принцесса. Языкам, реверансам учили её и... конечно, танцам. Лучшие учителя занимались этим, но увы, принцесса не понимала музыки.

И тогда по всему королевству расклеили строгий указ: «ДАРУЕМ ТОМУ, КТО НАУЧИТ НАШУ ПРИНЦЕССУ ТАНЦЕВАТЬ ЛЕГКО И ВОЗДУШНО, ДАРУЕМ ТОМУ ЕЁ РУКУ И СЕРДЦЕ».

Получить руку принцессы — это значит самому стать принцем.

Блестящие графы, чопорные князья, солидные бароны — кто только не пробовал обучить королевскую дочь танцам.

И, однако, по-прежнему все придворные дамы превосходили её в этом великом искусстве.

Совсем отчаялась принцесса.

И вдруг во дворце появился сапожник.

— Ваше прелестное величество,— сказал он ласково,— я знаю про вашу печаль. И знаю — нет ничего проще избавиться от неё. Разрешите лишь смерить вашу королевскую ножку.

Тут же бархатной лентой королевская нога была измерена, и на другой день сапожник сшил прелестные туфельки.

— Да, они прелестны,— вздохнул мастер, взглянув на них.— Однако им не хватает бантов. Тех самых бантов, что придают туфелькам лёгкость, учат их порхать и летать. А принцессе это так нужно!

И тогда сапожник придумал: он пошёл на луг и поклонился двум большим бабочкам.

— Вам всё равно,— сказал он,— где кружиться. Но если вы сейчас станете бантами знатных туфель, завтра вы закружитесь в королевском зале. И вам, милые бабочки, будет играть королевский котильон.

Конечно, милые бабочки не посмели отказаться.

И вскоре принцесса уже танцевала. Туфельки с крылышками несли её по залу, кружили.

А все гости поздравляли короля и королеву.

— Как воздушно танцует ваша дочь!

— Она сегодня, словно белая бабочка.

Но у белых бабочек бывает доброе сердце.

А у принцессы, увы, оно было иным.

И когда после танца к ней подошёл в поклоне сапожник, она произнесла лишь:

— А вы мне больше не нужны, фи!

И ненужный сапожник ушёл, но вслед за ним улетели и бабочки — белые банты с королевских туфелек. И никогда больше принцесса уже не танцевала так легко. Тот воздушный котильон был последним в её жизни.

Вот я говорю тебе о королях, гвардейцах, принцах, князьях, графах. А что от них осталось. Фу. Ничего.

Впрочем, от одного графа... Да, от него кое-что осталось.

А был этот граф страшно завистливый. Всем-всем завидовал. А главное, всегда хотел быть выше всех, чтобы среди придворных его обязательно заметил король.

Вот и вытягивал граф без конца шею. Шея у него была длинной, длинной, как у жирафа.

А ещё граф любил поесть. И поэтому живот у него был толстый-толстый, как у бегемота. Ты представляешь себе такое?

И вот однажды один стекольный мастер решил посмеяться.

Он сделал бутыль, похожую на графа. И был у той бутыли огромный живот и длинная шея.

Конечно, тут же все поняли, на кого та бутыль похожа. И в честь графа так и назвали её — графин.

Графины живы поныне. Ну, а графы? Зачем они?

Так и говорят теперь люди:

— Если есть графин, совсем не надо графа. И так очень весело.

Ведь до сих пор никак не могут решить, что же это: бегемот с жирафьей шеей или жираф с бегемотьим животом?

А ты знаешь, как лечились в старину: камушками.

Да, камни толкли в порошок и клали в чай, в суп.

А жить тогда в каменном доме было просто опасно. Если, например, в городе случалась какая-нибудь болезнь, то ваш домик могли разнести по кирпичику. И по кирпичику это ещё хорошо.

А то бывало и так — мог прийти большой великан и просто проглотить ваш каменный домик, чтобы вылечиться.

Да. Ведь так и случилось однажды.

Спустился с гор великан, разинул рот и проглотил королевский замок. И не только замок, а вместе с замком и самого короля.

Ужас, конечно. И сам великан ужаснулся, когда узнал об этом. Он плакал, и, словно большие бочонки, катились по мостовой его слёзы.

— Трах-тарарах. Что я наделал? Как же вы будете жить без вашего короля? Трах-тарарах.

— И не знаем, не знаем,— отвечали придворные.— Король всё-таки нужен. Кому же кланяться тогда?

И тут великан хлопнул себя по затылку.

— Придумал,— сказал он.— Я дам вам короля.

И умный великан сделал короля из глины. Нет, вы не думайте, этот король был не хуже настоящего — он был в короне и в сапогах.

И даже в мантии. А главное, он сидел на троне и редко во что вмешивался.

Единственное, о чём он беспокоился, это о песочке для детей, а главное, о зонтиках. Ведь этот король боялся размокнуть.

Но как-то раз глиняный король промочил-таки затылок, и у него в голове появилась дырочка.

Ужас! С той поры в голове у короля стал гулять ветер. И он выдул из неё все-все серьёзные мысли.

Теперь его величество только и делало, что улыбалось:

— Хи-хи, хи-хи.

Придворные сердились. И не выдержав, наконец сказали:

— Лучше жить совсем без короля, чем с таким клоуном.

— Ну, хорошо,— сказал глиняный король.— Ваши скучные лица мне тоже надоели. До свидания.

И он раскланялся и пошёл к мудрецу.

— Я был королём,— сказал он мудрецу.— Но мне стало скучно. Кем мне быть теперь?

Мудрец взглянул на короля, увидел в его голове дырочку и спросил:

— А вы любите детей?

— Да.

— Тогда вам лучше всего быть детской копилкой. Копить весёлые денежки на весёлые игрушки.

С той поры так и было.

Конечно, король по-прежнему оставался королём. Но он уже был не просто король, а король детских копилок.

Ты, наверное, обиделся, что моя сказка кончилась восхвалением короля? Ну что же. Ведь это не просто король, а наш детский король. А это очень хорошо, что детские короли вечны.

Теперь ты догадался, о чём моя сказка? О вечности.

Не вечно люди едят камни, города воюют. Но вечно будут детские копилки и детские короли.

Они добрые. И очень нужны.

А однажды я влюбился в старинного человека, который сказал так:

— Ветер вернулся, чтобы погасить последнюю свечу.

Хорошее слово — вернулся. Например, солнышко не взошло, а вернулось.

Вернулось к тебе, значит, оно доброе.

И звёзды тоже добрые. Всякий раз они возвращаются на небо.

Нет, это не сказка.

Просто я хочу, чтобы ты любил людей и думал о них.

Когда думаешь о человеке, он как бы вновь возвращается к тебе. Входит в твою комнату, садится за стол, говорит с тобой.

Так вернулись ко мне эти старинные люди.

Так думай же всегда хоть немного о людях.

И пусть всегда твои друзья и твои знакомые будут с тобой.

Для старшего дошкольного и
младшего школьного возраста

Геннадий Михайлович Цыферов

СКАЗКИ

Художник В. Чижиков

Редактор И. Мазнин. Художественный редактор Г. Колтелова. Технический редактор Т. Щеглова. Корректоры С. Блейкштейн и Н. Пьянкова. Сдано в производство 14/X-68 г. Подписано в печать 20/VI-69 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60×90/8. Печ. л. 8. Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 150 000 (в переплете № 5 — 100 тыс., в переплете № 7 — 50 тыс.). Изд. № 766. Цена в переплете № 5 64 коп., в переплете № 7 — 81 коп. Заказ № 8674. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, А-55, Бутырский вал, 68.

Типография «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

PDF